

УДК 1.245.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-64-72

Владимир Алексеевич Решетников¹,

*доктор философских наук, профессор,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1),
e-mail: reshetnikova_ekaterina80@mail.ru
orcid: 0000-0002-0586-150X*

Екатерина Владимировна Решетникова²,

*кандидат философских наук, доцент,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1),
e-mail: reshetnikova_ekaterina80@mail.ru
orcid: 0000-0001-7136-7721*

Гуманизм как философская и практическая универсалия человеческой истории

В статье анализируются истоки формирования, принципы развития и результаты применения гуманизма как философской и практической универсалии человеческой истории. Через призму эволюции рассматриваются идеи гуманизма как обязательного принципа и императива всеобщей истории, а также практические и мировоззренческие формы развития гуманизма. Общество воспринимается как поле конструирования идей и принципов гуманизма, как постоянно меняющаяся динамическая система, позволяющая осуществляться общественному воспроизводству, при этом важно соблюдать нормы и права этичности и гуманизма. Общество всегда обладает той или иной формой гуманизма и транслирует ценности гуманности, сообразные историческому периоду. Гуманизм выступает условием существования всей социальной системы, позволяет транслировать ценности и нормы сквозь века, обозначать векторы общественного развития и смягчать социокультурные кризисы общественного развития. Гуманистичность выступает инструментом изменения социокультурной ткани общественных процессов и формирует новые приоритеты социальной динамики, которые строятся на развитии и потенциале различных социальных групп и общностей. Показываются современные формы воспроизводства, развития и формирования гуманизма и гуманизации в человеческой истории вообще и в современном российском обществе в частности.

Ключевые слова: гуманизм, универсалии, человеческая история, философия, практика

Введение. Для большинства исследователей гуманизма самоочевидным фактом является его универсальность. В философии культуры, как известно, понятие универсалии указывает на базовые единицы, на основы понимания человеком мира. Эти смыслы (основы) формируются у каждого из нас в процессе социализации/индивидуализации и в дальнейшем служат мыслительным инструментарием; на рациональной или на иррациональной основе универсалии задают систему координат, позволяющих обеспечить человеческому сознанию целостность восприятия мира и даже психическое здоровье.

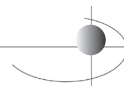
По своей структуре универсалии не являются «атомами» в смысле своей неделимости, предельности. Они имеют определённый, по меньшей мере, бинарный состав, который обнаруживается уже на уровне двух основных языков культуры – рациональных

суждений и образного восприятия. Отсюда вытекает относительная оппозиция и в то же время единство знания и веры в составе универсалии. Обе они в явной или неявной форме нацелены на поиски смыслов. Из этого вытекает ряд важных выводов.

Так, гуманизм как универсалия не может быть целиком отнесён к сфере рационального знания или, иначе говоря, его познание не может быть предельно рационализировано. Его невозможно исчерпывающе понять в процессе научного познания. Из кантовской идеи границы вытекает то, что по мировоззренческим вопросам нельзя дать окончательных ответов. Мировоззрение не конститутивно, а регулятивно, и полученные знания, скорее, указывают дальнейшее направление движения, поэтому каждый раз нужна осторожность, открытость новому, а также доверие, вера в возможность необычного.

¹ В. А. Решетников – основной автор, является организатором исследования, формулирует выводы и обобщает результаты исследования.

² Е. В. Решетникова проводит обработку и обобщение материалов, готовит статью к публикации.

Можно предположить, что вера как первоначальное «знание» имела важнейшее значение для исследования генезиса гуманизма. В истории философии понимание веры, как структурной единицы универсалии, развивалось в смысле, близком к убежденности. В теории познания вера представляла санкционирующим фактором, определяющим, в том числе, принятие идеи без достаточного основания. Это субъективный ориентир, придающий идеям живость, стойкость и прочность. Прагматическую веру выделял ещё И. Кант. По мнению учёного, это субъективное оправдание возможности достижения цели и её реализации в процессе деятельности. Великий философ развивал мысль, что без веры нет постоянства в познании, образ мыслей будет колебаться между практическими велениями и теоретическими сомнениями.

Вера действительно обнаруживается во всяком процессе практической и познавательной деятельности и представляет собой принятие чего-либо как ценного и справедливого при отсутствии достаточного обоснования. Сам феномен веры может отражать правильное или превратно истолкованное явление. Критерием способна выступить практика, а вера с трудом укладывается в антитезу «истинное – ложное», ибо в ней может быть заключено конкретное соотношение частей этой антитезы [13, с. 108].

Хотелось бы подчеркнуть, что в практической жизни жёсткая дифференциация знания и веры является скорее удобным приёмом, позволяющим исследовать эти формы самутверждения человека в их чистоте, на практике она редко оправдывает себя и прежде всего потому, что существует множество переходных форм, которые функционируют на уровне культуры общества, воспроизводятся противоречиями общественной практики и трудностями освоения человеком научных точек зрения [1]. Свои особенности имеет религиозная вера.

В обоих своих смыслах (религиозном и светском) вера эмоционально окрашена и связана не только со знанием, но и ценностью, ибо отражает стремления, мечты и надежды человека; она обнаруживает свою существенную связь с социокультурными условиями жизни людей, хотя нередко и в сложной опосредованной форме.

Повторимся, гуманизм в своей полноте не может быть истолкован только логическими средствами познания. Всегда остаётся место для эмоций, интуиции, веры, возможности различных трактовок, а также для

злоупотреблений. Здесь скорее действует принцип дополнительности, который обеспечивает гуманизму гибкость, адаптивность и возможность взаимообогащения верой и рациональностью.

Методология и методы исследования. В связи с этим можно представить проблему исследования гуманизма и софиологическими средствами, тем более что для этого имеется солидная отечественная традиция. В русской религиозной философии София предстаёт как творческая премудрость, она олицетворяет женственное в боге. В «Притчах Соломона» София описывается как художница, стоящая рядом с богом, как домохозяйка, стоящая рядом с богом, как домохозяйка [14, с. 64]. Присутствие софиюности означает возможность решения вопросов с позиции общего, и поэтому не случайно возникает ряд наук или паранаук, где «софия» параллельна «логосу»: технология и технософия, этнология и этнософия, антропология и антропософия, биология и биософия и т. д. Определённое выражение тождество знания и религиозной веры получило в софиологических концепциях С. Булгакова, В. Соловьёва.

Впрочем, от времён господства рационалистической марксистской традиции (которая имела свою софиюность) у многих отечественных философов существует предубеждение против софиологического подхода, в котором слабо дифференцирована наука и мифология, верифицированы представления и вера. Однако стоит помнить, что характерная черта российской философской мысли – осмысление социальной жизни посредством литературных образов – имела ярко выраженный софиологический характер. И это живая традиция.

Комплексность гуманизма, единство знания и веры не препятствуют его целостному определению. Современными учёными созданы различные трактовки гуманизма и его генезиса, сквозь которые просвечивают личности авторов, их мировоззрение и в особенности ценностные предпочтения [15, с. 65]. Анализу определений гуманизма можно посвятить отдельное исследование.

Автор присоединяется к точке зрения В. Кувакина о том, что гуманизм – это «...стихийное, а иногда и сознательное осмысление человеком своей гуманности – реальный факт человеческой истории с её начала и до наших дней. Гуманизм не как учение или теория, а как внутреннее отношение человека к самому себе в связи с наличием в нём человечности существовал до возникновения самого этого понятия... которое “оказалось”

терминологической персонификацией, фиксацией теоретического (самосознательного) уровня гуманности как реально всегда существовавшего и проявлявшего себя человеческого качества» [4, с. 12].

Однако в большинстве научных работ проповедуется внесоциальный, абстрактный подход к генезису гуманизма. Понятие *Ното* используется в значении, которое М. К. Мамардашвили определял как «точка интенсивности», конечное и недоступное место, предел, который останавливает процесс семиозиса и замыкает его. Современным шагом к сакрализации гуманизма (отзвук романтической традиции немецкой философии XIX века?) являются попытки представить его космическим феноменом, столь же важным, как антропный принцип.

Результаты исследования и их об- суждение. Первым шагом в определении гуманизма, с нашей точки зрения, может быть изучение его этимологии. Язык, как справедливо считает Э. Сэпир, не только оформляет восприятие социальных практик, но и формирует наше понимание их. В немецкой традиции человек обозначается словом *Mensch* (от лат. *mens* – «ум, разум»). Человек в таком случае преимущественно характеризуется с рациональной, логической стороны. Толкование термина гуманность как человечность представляет собой его буквальное описание, является его именем, или «этикеткой», рядом оказываются два его обозначения на разных языках. Человеческое и человечность – пока ещё только перевод термина на русский язык, тем более, что эти абстракции можно толковать разным, в том числе и противоположным образом. Интуитивно ощущая ограничения такого буквалистского подхода, Г. А. Чистяков, например, при характеристике гуманизма использует метафору воздуха, атмосферы.

Для лучшего понимания проблемы сущности гуманизма и его происхождения, может быть, стоит отойти от этизации и сакрализации понятия и обратиться к варианту происхождения понятия гуманизма и гуманности от латинского слова *humus* (*Hom*) – «почва»? Слово *humanus* – человеческий, очевидно, имеет этот же корень. И не случайно большинство антропогенетических мифов связывают творение человека с его производством из земли, из глины, в которые божество или творец привносит дух. Аналогия приводит к пониманию символической «почвенности» гуманизма, его приземлённости и привязке к базовым потребностям человека.

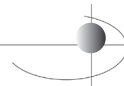
Интересно, что в естественных науках слово «гумус» означает любой органический материал, достигший состояния стабильности, при котором он далее не разрушается и при неизменных условиях сохраняет свою сущность на протяжении столетий и тысячелетий. В этом «чистом» состоянии гумус ещё не образует почву, он не способен дать толчок жизни, произрастанию чего-либо [9, с. 30]. Это просто некая сущность, которая для своего проявления нуждается в среде или в благоприятных условиях. Или в творце?

Почвенность гуманизма (потенциальность) нуждается в своём проявлении в определённых условиях, она не даётся человеку как актуальность, автоматически, а должна культивироваться. Эта потенциальность может быть обозначена понятием «гуманитас», которое в римской традиции понималось как формирование человека посредством образования и воспитания из природного материала, или из его природного состояния.

Таким образом, почва и креативность (создание, формирование, возвращение) могут предстать исходными архетипами для толкования гуманизма. В русской мифологии креативность почвенности выражена через культ Матери – Сырой земли, предполагающей веру в ценность плодородия, способность земли порождать всё существующее.

Метафоры почвы и возвращения (культивирования), наряду с другими возможными образами, подсказывают, что становление гуманизма и гуманности может быть рассмотрено через призму концепции эволюционизма. Здесь особую важность приобретает проблема природы человека, по которой имеются целые библиотеки научной, в том числе гуманистически ориентированной, литературы. В противовес фрейдистским и бихевиористским трактовкам сущности человека, гуманистическая философия и психология исходят из презумпции позитивной природы человека [6; 8]. Процесс самоактуализации понимается как развёртывание и созревание изначально позитивных качеств человека. К. Роджерс связывал процесс развития со стремлением всего живого к росту, созреванию, с тенденцией проявить и активизировать все способности организма в той мере, в какой эта активизация способствует развитию организма или личности. Однако в практической психологической или педагогической деятельности видно, что актуализироваться может и зло.

Невозможно (или возможно только условно) определить начало гуманизма как мировоззрения. Если гуманистические теории и

проекты имеют авторов или привязаны к какой-то культуре, то гуманность как качество жизнедеятельности и гуманизм как мировоззрение становятся фрагментарными, возникают как отдельные элементы. Периоды прогресса в этом отношении могли смениться регрессом или вообще деградацией ростков гуманности.

С нашей точки зрения, предпосылки гуманистического мировоззрения имеют биопсихосоциальную природу. Для аргументации этой точки зрения существует достаточно этнологического, этнографического, исторического материала. С фигурой социоантрополога Д. Д. Фрэзера, например, часто связывают процесс выявления того, что под современными верованиями и идеологиями скрываются тысячелетние пласты первобытных представлений, обычаев, традиций. Львиная доля из них сохранилась, хотя в респектабельном облике, переистолкована, канонизирована, обрела авторство. Так, исследования психологами альтруизма (составной части гуманизма) показали социально-инстинктивную природу предгуманистических форм поведения, среди которых выделяется сохраняющая модель, многие проявления которой свойственны и животному миру. К. Лоренц был прав, когда называл псевдодемократической доктрину, «согласно которой общественное и моральное поведение человека вообще не определяется устройством его нервной системы и органов чувств, выработанным историей вида, но складывается исключительно под действием «кондиционирования» человека в течение его онтогенеза той или иной культурной средой» [5, с. 43, 44].

И сегодня оторваться от инстинктивных и эволюционно развитых свойств человека можно только в воображении и во имя чистоты концепции, или из своеобразного пуританизма, в истоке которого царит ницшеанский страх перед бездной в собственной душе.

Для нашей (условно обозначим её онтологической) трактовки генезиса гуманизма как ответа на жизненно важные потребности выживания человека существенно то, что почвой для развития гуманности являлись первичные социальные отношения и связи, которые формировались вследствие взаимозависимости индивидов как биопсихосоциальных существ от их жизненного пространства и средств к жизни. И друг от друга. Над факторами простой взаимозависимости надстраивались более сложные отношения, которые обеспечивали произрастание социальности, её усложнение и развитие. Жизненный

опыт человека, как известно, может существовать в памяти и рефлексивном сознании, способен также откладываться на подсознательном или даже бессознательном уровнях, концентрируясь, порождает взаимовыгодные отношения [16, с. 182].

Исследование моделей современного поведения показывает, что внутри множества исключительно некооперативных стратегий кооперативные стратегии спонтанно возникают из действий небольших совокупностей людей, решивших сотрудничать, даже если самим кооперативным стратегиям первоначально было отведено небольшое место. Такие группы «кооператоров» быстрее набирают очки по сравнению с теми, у кого отсутствует сотрудничество. Основанные на кооперации стратегии способны выстоять в противостоянии с другими стратегиями, и «возникшее однажды на основе принципа взаимности сотрудничество в состоянии теперь выдержать натиск менее кооперированных стратегий. Тем самым шестерни социальной эволюции обзаводятся храповиком» [11, с. 79].

Разумеется, всё это не может принизить роль конкуренции в эволюционном развитии. Сотрудничество и соревнование являются взаимодействующими и взаимодополняющими явлениями в жизни человека. Но и исторически конкретными. Современность размывает многие бинарные схемы и альтернативы. Парные понятия «друг – враг», «соперник – союзник» теряют жёсткую определённую принадлежность общественных систем с сильной идеологией. Это особенно явно наблюдается в сфере экономики. Так, например, появился термин «конперация» как единство кооперации и сотрудничества, которое основывается на неидеологическом (в сугубо прагматическом смысле) и выборочном подходе к проблеме экономической выгоды.

Но нам важно было подчеркнуть роль кооперативных, помогающих отношений, потому что именно они были средой, формирующей гуманизм.

Это имело не только тактическое, но и стратегическое значение. Преимущества в выживании получали те группы, которые, проявляя разумность и дальновидность, заботились о детях как о будущем общин и о пожилых людях как носителях и трансляторах опыта (Эфроимсон). В процессе естественно-социального отбора и конкуренции, видимо, на один выживший коллектив первобытных людей приходилось несколько погибших, вследствие слабой кооперации и сотрудниче-

ства. Позднее именно нараставший дефицит морали, наряду с природно-климатическими и социальными катастрофами, был причиной гибели многих локальных цивилизаций и культур.

Важно подчеркнуть, что кооперативность не является раз и навсегда возникшим феноменом. Она повседневно воспроизводится в жизнедеятельности людей. Или утрачивается. В современной трактовке важности помогающих отношений значимо наследие Э. Фромма, доказавшего на историческом материале и на примере собственного психотерапевтического опыта постепенное превращение помогающих отношений в важную характеристику мировоззрения и деятельности человека, их перерастание в человечность (в оценочном смысле слова) [2]. Психолог и психотерапевт К. Роджерс понимал под термином «помогающие отношения» такие, в которых, по крайней мере, одна из сторон намеревается способствовать другой в личностном росте, развитии, обретении зрелости, в умении ладить с другими (человеком или группой). В качестве примера учёный приводит отношения матери и дитя, отца и ребёнка, учителя и ученика, психотерапевта и пациента, консультанта и клиента. Практический опыт К. Роджерса показал комплексность помогающих отношений. В общем смысле это недифференцированные отношения, которые в первичной форме интегрируют экономические, этические и другие связи. В современной жизни они институтоализировались, но не ушли из поступочной (Н. С. Коноплев) повседневности. Помогающие отношения в своём исходном виде и сегодня пронизывают производственные коллективы и личную жизнь каждого человека вследствие своей эволюционно сформированной опоры на приоритет конструктивности и кооперации.

Можно сказать, что гуманистической культуре предшествовала культура помогающих отношений как способ и результат формирования социальности. Именно осознанное развитие этих отношений и составило структуру человечности как качества, присущего новому субъекту на арене природно-социальной реальности.

Круг семейных архетипов поведения тысячи лет служил и служит первичным источником культуры человека. В развитых религиозных и светских культурах общение до сих пор основывается на сублимированных представлениях о братьях (братство по оружию) и сёстрах (сёстры милосердия), отце небесном, патерах и батюшках, отечестве. Господь,

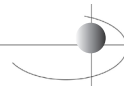
по христианским канонам, приносил в жертву самое дорогое – собственного сына, искупающего грехи людей. Женские, родственные человеку образы, отразились в представлениях о Деве Марии, Марии Магдалине, Софии премудрой – хозяйке и домохозяйнице. Не случайно образы семьи и связанных с ней понятий сегодня широко используются в политике, в корпоративных отношениях, в жизни религиозных, соседских и других общин [3]. Так, ассоциирование с семьёй широко представлено в японском стиле управления компаниями. Работник оказывается в структуре отношений, где предполагается взаимная ответственность всех за благополучие каждого. Менеджер предстаёт старшим братом. Поскольку группа важнее, чем индивид, то все её члены находятся в таком же неоплатном долгу перед ней, как перед матерью. Важно укреплять гармонию внутри группы через систему продвижения по службе и оплаты по старшинству. Часто практикуется и другая форма оплаты – не по таланту, а по усердию.

Возможно, залогом устойчивости существующей более трёх тысяч лет китайской цивилизации была семья и семейные ценности, обобщённые Конфуцием в принципах «пяти постоянств», в которые входили отцовская любовь, сыновья почтительность, дружественное отношение старшего брата к младшему, почтительное отношение младшего брата к старшему, согласие между супругами [10, с. 156].

Подрастающие поколения китайцев воспитывались на примерах сыновней почтительности, собранных в сборнике «24 примера ся». Корень гуманизма, согласно Конфуцию, – «сыновья почтительность и уважение к старшим». «Как может благородный муж добиться имени, если отвергает милосердие?! Благородный муж даже во время трапезы не забывает о милосердии». Конфуций считал, что «лишь милосердный человек умеет и любить людей, и ненавидеть», что «если стремиться к милосердию, не будет зла».

Новые формы гуманизма и трансгуманизма будут представлять по-новому социальную реальность [18; 19]. Но именно это и позволит гуманизму как универсалии человеческой истории выжить и развиваться.

Если ещё более сузить проблему, то можно предположить, что генезис гуманности заложен в отношениях матери и дитя. Это как бы атом первоначальных гуманистических связей, в которых переплетаются, существуя пока в слитном виде, биологические и кровнородственные, социальные, культур-

ные (воспроизводственные) и экономические отношения, чтобы затем развиваться в том смысле, который первоначально имел в виду физиолог Гарвей – разматываться, разворачиваться, раскручиваться.

Отношения матери и дитя, семьи и мира непосредственно воплощались и усложнялись в родовых связях. В русском языке, например, понятие «род» до сих пор является исходным для образования гнезда жизненно важных терминов культуры – божество Род, Родина, рожать, родные. Наличие отчества в русской традиции свидетельствует о более тесной привязке сознания человека к родовым и семейным связям, об особом уважении к тем, кто тебя породил. Этическим требованием у многих народов России является знание своих предков.

Для обоснования значения альтруизма Р. Триверс в своё время предложил гипотезу реципрокного альтруизма, согласно которой альтруизм перешагивает границы семейных и групповых отношений и способен распространяться на другие группы в расчёте на обратную услугу. Это находило выражение в стиле отношений, в заботе о ближних, в становлении традиций общения, в наследовании предметов материальной культуры, через которые реализовывалась связь времён и, соответственно, отношений. Формами взаимного альтруизма могут быть взаимопомощь во время опасностей, справедливое распределение жизненно необходимых благ, поддержка больных, беспомощных, помощь посредством орудий и знаний. Закономерно, что Братства как форма объединения людей дожили и развиваются в нашем, казалось бы, прагматичном времени.

Параллельно экстенсивной действовала и другая интенсивная тенденция развития человека, шло усложнение его внутреннего мира. Феномен моногамной семьи, рождение и возвращение детей, отношения матери и дитя породили такой сложный социокультурный феномен, как любовь, в котором выражено ценностное ядро гуманизма.

Категория любви часто предстаёт как всеобъемлющее явление, различные мыслители стремились понять её смысл и как-то рационализировать. П. Сорокин видел в любви основу культуры, она представляла научной проблемой, была способна иметь количественные и качественные критерии, соотноситься с законами энергетической динамики. Рассматривая любовь на эмпирическом уровне, П. Сорокин определяет её в качестве «фундаментальной характеристи-

ки феномена жизни». Без функциональной биологической ипостаси любви-энергии «ни сама жизнь, ни её преемственность, ни сохранение и выживание видов, ни эволюция жизни, ни возникновение и эволюция *Homo sapiens* невозможны» [17]. Под этой энергией он понимал то, что Л. Н. Гумилёв обозначал термином «пассионарность», в трактовке П. Сорокина это искра божья, неудержимая тяга к субъектности, к равнобожью. Раздувание искры – технологическая задача; к любви, по его мнению, применимы понятия производства, накопления и распределения. Психолог-гуманист В. Франкл определял любовь как «способность понять другого человека в его сути, в его конкретности, в его уникальности и неповторимости, однако понять в нём не только суть и конкретность, но и его ценность, его необходимость» [21, с. 96].

Это получило новый импульс в связи с укоренением в культуре феномена совести – высшей инстанции нравственного самоконтроля, возникшей одновременно с рефлексией второго ранга, критическим самосознанием и индивидуальной ответственностью. В этом отношении такой важный документ современности, как «Всеобщая декларация прав человека» (1948), не совсем корректен, когда декларирует: «Все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства».

Формально юридически это так. Но люди не наделены совестью (в ценностном смысле) изначально. Более того, многие наши современники в процессе жизненного цикла так и не вырабатывают её и существуют при дефиците совести. Или вытравивали её. Совесть в ценностном смысле – это не только достояние цивилизации и гуманистической культуры. Это и плод самовоспитания и саморазвития, начало культуры социальности.

Заключение. Во всех временах в жизнедеятельности людей обнаруживаются поддерживающие, помогающие отношения и соответствующая им форма гуманизма. Хроноустойчивость гуманизма как универсалии любой, в том числе и разорванной по времени, культуры составляет важный фактор единства человечества. Было бы интересно проанализировать с этих позиций конфуцианский, и в целом восточный гуманизм, отличающийся несколько иным восприятием времени. По справедливому выводу Н. Д. Субботиной, «условием действительно гуманного общества может быть свобода личности, равно-

вешенная её ответственностью. Причём на разных этапах, в разных ситуациях соотношение уровня свободы и ответственности может быть разным. Общество само в ходе широкой дискуссии каждый раз должно определять степень свободы, с одной стороны, не нарушающей принцип ценности индивидуальной жизни, с другой, не создающей угрозы общественной безопасности» [20, с. 13].

Итак, гуманизм сформировался на заре человеческой истории через развитие первичных социальных отношений взаимозависимости, которые переросли в отношения

помощи и взаимоподдержки, в помогающие отношения, в основе которых – позитивное социальное действие. Как принцип повседневной жизни гуманизм призван способствовать укоренённости человека как члена семьи, рода, общины, нации; как детерминанта мировоззрения, он помогает реализации развития и саморазвития индивидуально и социально значимого в человеке. Хроносоциальный аспект в восприятии гуманизма позволяет рассматривать его как антропологическую универсалию, которая скрепляет единство поколений и действует как закон.

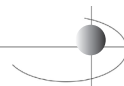
Список литературы

1. Бородавкин С. В. Гуманизм в культуре и культура в гуманизме // Вопросы философии. 2004. № 5. С. 163–176.
2. Иванов Р. В. Источники формирования идеологического пространства в России // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2018. № 9. С. 239–245.
3. Иванов Р. В. Толерантность, патриотизм и социальное неравенство // Социология. 2018. № 4. С. 20–22.
4. Кувакин В. Твой рай и ад: человечность и бесчеловечность человека. (Философия, психология и стиль мышления гуманизма). СПб.: Алетея; М.: Логос, 1998. 360 с.
5. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества. М.: Республика, 1998. 393 с.
6. Полюшкевич О. А. Взаимодействие социальных и культурных границ в евразийском пространстве // Проблемы евразийства и интеллигенция: материалы X Междунар. науч. конф. Улан-Удэ: БГУ, 2014. С. 178–186.
7. Полюшкевич О. А. Идеологические ресурсы социокультурной солидарности // Государственное управление: электрон. вестник. 2017. № 64. С. 217–230.
8. Полюшкевич О. А. Территориально-пространственные символы социокультурной солидарности Сибири // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 4. С. 293–300.
9. Полюшкевич О. А., Решетников В. А., Федчин В. С. Социализация современного гуманизма через процессы региональной идентификации // Социодинамика. 2017. № 12. С. 27–36.
10. Радуль-Затуловский Я. В. Конфуцианство и его распространение в Японии. М.; Л.: АН СССР, 1947. 451 с.
11. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: Фаир-Пресс, 2006. 416 с.
12. Решетников В. А. Гуманизм – универсалия человеческой истории // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск: ИГУ, 2016. С. 6–13.
13. Решетников В. А. Гуманизм как феномен культурно-цивилизационных процессов. Иркутск, 2016. 187 с.
14. Решетников В. А. Гуманистические основы человеческой истории // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 3. С. 60–69.
15. Решетников В. А. Становление гуманистического проекта: общие закономерности и региональные особенности // Траектории познания природы и взаимопонимания: материалы фр.-рос. школы на Байкале. Иркутск: ИГУ, 2017. С. 62–71.
16. Скуденков В. А. Лидерство и социальное развитие // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 2. С. 180–184.
17. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Ин-т социологии РАН, 1993. 195 с.
18. Субботина Н. Д. Гуманизм и трансгуманизм // Гуманитарный вектор. 2012. № 3. С. 7–8.
19. Субботина Н. Д. Естественные и социальные основы гуманности // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2014. № 5. С. 155–164.
20. Субботина Н. Д. Идея гуманизма как фактор общественного развития // Вопросы философии. 2018. № 8. С. 5–15.
21. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

Статья поступила в редакцию 09.01.2019; принята к публикации 12.02.2019

Библиографическое описание статьи

Решетников В. А., Решетникова Е. В. Гуманизм как философская и практическая универсалия человеческой истории // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 2. С. 64–72. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-64-72.

Vladimir A. Reshetnikov¹,
 Doctor of Philosophy, Professor,
 Irkutsk State University
 (1 Karla Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia),
 e-mail: reshetnikova_ekaterina80@mail.ru
 orcid: 0000-0002-0586-150X

Ekaterina V. Reshetnikova²,
 Candidate of Philosophy, Associate Professor,
 (1 Karla Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia),
 e-mail: reshetnikova_ekaterina80@mail.ru
 orcid: 0000-0001-7136-7721

Humanism as a Philosophical and Practical Universal of Human History

The article analyzes the origins of the formation, the principles of development and the results of the application of humanism as a philosophical and practical universality of human history. The authors consider the idea of humanism as an obligatory principle and imperative of universal history through the prism of the evolution and show practical and ideological forms of the development of humanism. Society is viewed as a field for constructing ideas and principles of humanism, as a constantly changing dynamic system that allows social reproduction to be carried out, while respecting the norms and rights of ethical and humanism. Society always possesses one or another form of humanism and translates the values of humanity consistent with the historical period. Humanism serves as a condition for the existence of the entire social system, allows us to transmit values and norms through the centuries, to designate the vectors of social development and mitigate social and cultural crises of social development. Humanism serves as a tool for changing the sociocultural fabric of social processes and forms new priorities for social dynamics that are built on the development and potential of various social groups and communities. Modern forms of reproduction, development and formation of humanism and humanization in human history in general and in modern Russian society are shown in honesty.

Keywords: humanism, universals, human history, philosophy, practice

References

1. Borodavkin, S. V. Humanism in culture and culture in humanism. Questions of philosophy, no. 5, pp. 163–176, 2004. (In Rus.)
2. Ivanov, R. V. Sources of the formation of ideological space in Russia. The problem of the relationship between the natural and the social in society and man, no. 9, pp. 239–245, 2018. (In Rus.)
3. Ivanov, R. V. Tolerance, patriotism and social inequality. Sociology. No. 4, pp. 20–22, 2018. (In Rus.)
4. Kuvakin, V. Your Heaven and Hell: The Humanity and Inhumanity of Man. SPb. Aletheia; M : Logos, 1998. (In Rus.)
5. Lorenz, K. The eight deadly sins of civilized humanity. Moscow: Republic, 1998. (In Rus.)
6. Polyushkevich, O. A. Interaction of social and cultural borders in the Eurasian space. Problems of Eurasianism and intelligentsia materials of the Xth International Scientific Conference. Ulan-Ude, BSU, 2014: 178–186. (In Rus.)
7. Polyushkevich, O. A. Ideological resources of sociocultural solidarity. State administration. Electronic messenger, no. 64, pp. 217–230, 2017. (In Rus.)
8. Polyushkevich, O. A. Territorial-spatial symbols of sociocultural solidarity of Siberia. Bulletin of Pacific State University, vol. 47, no. 4, pp. 293–300, 2017. (In Rus.)
9. Polyushkevich, O. A., Reshetnikov, V. A., Fedchin, V. S. Socialization of modern humanism through regional identification processes. Sociodynamics, no. 12, pp. 27–36, 2017. (In Rus.)
10. Radul-Zatulovsky, Ya. V. Confucianism and its distribution in Japan. M.L: Academy of Sciences of the USSR, 1947. (In Rus.)
11. Reinhold, G. Smart crowd: a new social revolution. M: FAIR-Press, 2006. (In Rus.)
12. Reshetnikov, V. A. Humanism – the universal of human history. Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems and prospects. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk: Irkutsk State University, 2016: 6–13. (In Rus.)
13. Reshetnikov, V. A. Humanism as a phenomenon of cultural and civilizational processes. Irkutsk, 2016. (In Rus.)
14. Reshetnikov, V. A. Humanistic foundations of human history. Siberian philosophical journal, vol. 16, no. 3, pp. 60–69, 2018. (In Rus.)

¹ V. A. Reshetnikov: the main author, the organizer of the study, formulates the conclusions and summarizes the results of the study

² E. V. Reshetnikova: processing and summary of the materials, preparation of the article for publication.

-
15. Reshetnikov, V. A. Formation of the humanistic project: general patterns and regional features. Trajectories of nature knowledge and mutual understanding. Materials of the French-Russian school on Lake Baikal. Irkutsk. ISU, 2017: 62–71. (In Rus.)
 16. Skudencov, V. A. Leadership and social development. Social and humanitarian knowledge, no. 2, pp. 180–184, 2013. (In Rus.)
 17. Sorokin, P. A. The main trends of our time. M: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 1993. (In Rus.)
 18. Subbotina, N. D. Humanism and transhumanism. Humanitarian vector, vol. 31, no. 3, pp. 7–8, 2012. (In Rus.)
 19. Subbotina, N. D. Natural and social foundations of humanity. The problem of the relationship between the natural and the social in society and man, no. 5, pp. 155–164, 2014. (In Rus.)
 20. Subbotina, N. D. The idea of humanism as a factor in social development. Questions of Philosophy, no. 8, pp. 5–15, 2018. (In Rus.)
 21. Frankl, V. Man in Search of Meaning. M: Progress, 1990. (In Rus.)

Received: January 9, 2019; accepted for publication February 12, 2019

Reference to the article

Reshetnikov V. A., Reshetnikova E. V. Humanism as a Philosophical and Practical Universal of Human History // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 2. PP. 64–72. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-64-72.
